

ДОРОГА, УХОДЯЩАЯ ПОД ОБЛАКА

Рафаил Рахматуллович Хаялин родился в 1937 году в селе Татарская Каргала Сакмарского района. Работал ассистентом кинооператора в корпункте Куйбышевской студии кинохроники, кинооператором студии телевидения в Оренбурге, корреспондентом новостной программы страны – «Время». После выхода на пенсию трудился в лаборатории электронных СМИ при факультете журналистики ОГУ. Его документальные фильмы, такие как «Песнь сурка», «Оренбургский пуховый платок» и др., удостоивались призовых мест на кинофестивалях российского и международного уровня, показывались в Каннах, Барселоне, Венеции, Берлине. «Отличник советского телевидения» (1986), Заслуженный работник культуры РФ (2000). Награждён Золотой медалью лауреата премии им. М. Ломоносова. Живёт в селе Татарская Каргала Сакмарского района Оренбургской области.

– Внимательно смотрите, слушайте!

Слушайте всю ночь, подняв глаза на ночное небо, и, видя звёзды, воспевайте красоту уходящей жизни!

Жизнь, дай постоять ещё, пожить на земле.

Время, безостановочное время, мне не хочется увидеть то, что будет там, в конце пути!

Осина, не слышу трепетания листьев на слабом ветру!

Спойте, сосны и ели, о жизни земной и небесной, о тишине, об успокоении счастья! Я ещё постою и побуду с вами!

Услышав, сорока насмешничала:

– Зачем тебе песни, Старый пень?

Потом хихикала:

– Ах, ах, ах! Какой славный был малый! Самое высокое, старое дерево в лесу. Что-то горестно и одиноко тебе, бывший дуб, – взлетев, сказала сорока.

И вот из ближайшей берёзы раздалась восхитительная песня.

Это пел соловей. Он исторгал из сердца и возносил в воздух, в сторону старого пня песню-трель.

Иногда, как воспоминание, с небес падает и садится на мою голову ястреб. Когда-то он жил в моей вышине, его пленял и манил небосвод.

На своём птичьем: — Хочешь ввысь? — спрашивала гордая птица. — Только там тебе годится — сердцу высокому находиться!

Эта его улыбка, его крик — всё моё счастье! Мгновение — и всё ушло, всё замерло: улетела птица. Мир от радости плачет или я? Да, да, пошёл дождь, и я плачу без всякого таинства — это капли дождя!

Сейчас в траве только кузнечики по ночам укладывают из звёздного неба нотные листы, и музыка звенит! Крошечный мой мир: бегущие муравьи уже тащат свою добычу; лягушки-квакушки подходят, припрыгивая, и спрашивают, можно ли прыгнуть на вершину — это на мою голову. Весело квакая, взлетают — и снова на землю. Это у лягушек называется играть в пятнашки. Перепела прилетают собирать мелкие камушки и купаются в песке у моих ног.

ВЕСНА

Шумит свежий зелёный лес. Весна сделает зелёным всё вокруг, и я знаю: не суждено мне зеленеть. Весна мне глухо стучит, а я скажу ей одно слово: люблю.

Жду чего-то в сиянии звёзд, слушаю тишину. Да, ничего не поделаешь, надо строить свою жизнь сначала. Солнце вливается в лес, а я стою — одинокий Старый пенёк. У людей так: поработал, стар, пенсия. Думаю иногда: как больно бывает весной; и хочется наполниться брожением соков, наполниться ими, как весенний ручей.

Вспоминаю, каким я был хорошим. Да, жизнь была полной, радостно шумела и гудела на ветру, но всегда оставалась какая-то неудовлетворённость, жадность, ощущение уходящего времени. Удивительное дело — без дела сидеть и смотреть. Такое не привиделось мне и в безумном сне.

Каждую весну мои ветви становились золотисто-коричневыми, и люди говорили:

— Ушли холода! Зацвёл дуб — Новый год!

Этот праздник — весенняя ночь — создан природой для себя, для души! Просто в себя влюблённая, незащищённая Весна празднует цветением красивое украшение весенней ночи, весеннее колдовство.

Слышу журчание ручейка, листьями вдыхаю запах чуть влажной земли. Луна, как устроитель этого праздника, взбиралась всё выше и стала бледнее. У весны нет слов, только шёпот и шорохи.

Было это для меня, старого, высокого Дуба, так много раз. Я, как тайный свидетель, вам

говорю: Весна строит обнимашки, как говорит сейчас молодёжь. Да, да, влюблённые казались мне лесной нимфой и хозяином леса и лугов Паном. Это были сельские парень и девушка. Они обнялись, их влюблённые и беззащитные сердца бились совсем близко. Тогда я, самый высокий Дуб, и касание моих веток казались им волшебными перстами, возлагающими на них вечную любовь. Да и Луна своей улыбкой заставляет забыть всё, кроме любви и поцелуев.

Быть может, это мои фантазии. Это Весна-простушка устроила, как часть весеннего праздника, а я высокий Дуб — и двое, меня закрутившие, как в водовороте. Скажу: это радость. А радость сильнее печали.

Я вижу людей, работающих на полях, слышу жужжание пчёл. Шумит ручей, лягушки устроили концерт, и от этих звуков язык у соловья начал коснеть, а это уже **ЛЕТО**.

Я так долго цепляюсь за родную землю, не могу оторваться мыслями и чувствами от неё. Над травами поляны, надо мной пронёсся жаворонок и взмыл в небо. Думал, с высоты польются переливчатые трели, но нет. Весна прошла, птица молчит. Начало лета, детки жаворонка оперились. Лето с тёплыми днями, с золотым солнцем. Я, Дуб, успокаиваюсь, мои листья на фоне синего неба удивлённо смотрят на бег белых облачков.

Вот дорога, идущая издалека. Она тянется не из больших городов и сама понятия не имеет, куда ведёт её колея. Дороге надо было углубиться в лес, но она, зайдя на поляну, испугалась тёмного леса и около меня завернула влево. Между колеями бурно разрослась густая трава. Но сами они так глубоко врезались в глинистую почву, так плотно утрамбовались окованными железом колёсами, что до сих пор травы не могут укорениться. Я уже достаю ветками, накрываю дорогу и думаю:

— Чья она, эта дорога? Может, называется дорогой, идущей около высокого Дуба? Или же я, высокий Дуб, у этой куда-то ведущей дороги? По ней осенью возили картошку, дрова, сено. Вот такая незначительная дорога. Наверное, я имею право на эту дорогу! Какой бы полной и значительной жизнь ни была, меня интересует, даже очень интересует, куда уходит эта дорога. Люди, вечно идущие куда-то, вам нужны новые приключения, ощущения. Да только того, что нам нужно, на свете нет.

Сидели под моей кроной двое умных людей, размышляя о себе.

— Хотелось бы признаться себе, кто мы такие? — начал один из них.

— А действительно, кто же мы? — ответил другой.

Они лежали, отдыхали и вспоминали о радостях, ушедших когда-то в неизвестное. Я запомнил их слова: «Что может занимать

человека в мире, где всё бrenно, как шелест листьев вековечного Дуба? Все человеческие страдания и радости... Богатство и бедность — родственники-листья, как листья этого Дуба». Счастливые, весёлые старцы отдохнули и ушли. Когда это было? Не помню!

Как вам сказать, кто же мы, я, если они не знают этого? Я печален, я Старый пенёк. Я вижу дорогу, ночные звёзды, утреннюю звезду Венеру, солнце. Триста лет рядом дорога, и люди по ней идут, знают куда. А годы были всякие: и хмурые, и тоскливые. Тяжёлые будни мелькали, смешав воедино и день, и ночь.

Я затаился, думаю, пробую спрятаться, но как спрятать правду? Пробую неподвижно сидеть, чтобы меня не было видно... Привязали человека к моему стволу — и грохнул выстрел. И у меня боль на уровне сердца привязанного человека.

В душевные августовские ночи сверкают звёздные дожди, летят они из тьмы космоса. Крикнул ребёнок: «Это счастье — видеть падающие звёзды над дубом-великаном, закрывшим небо над поляной!»

В сумерках показались светлячки. Каким образом, для чего, если это свет доброй души? Откуда этот особый мир? Как узнать? Этот свет делает букашек-светлячков замечательными и красивыми, нужными. Это само сияние жизни, его, как доброту, мы носим в душе. У них это снаружи, как украшение.

Они светятся для всех. Парит под моей кроной клубящийся хоровод в холодном сиянии. Это счастье, когда любовь к жизни для всех радостная.

Жду, никак не могу забыть этого: две руки, две ноги, голова, лицо. Фигура человеческая, в то же время что-то отталкивающее: глазки-точки, узкая щель рта, на лбу — как поломанная ветка — рог. Это леший, его зовут Шурале, хозяин леса. Издалека скорее похож на высохшее дерево, кривую берёзу. Наклонился над круглым срезом, наминающим стол, на котором могли поместиться несколько человек, и начал длинными, как ветки, пальцами водить по годовым кольцам. Провёл рукой, задумался. Кто он — мастер или волшебник-колдун, философ? Шептал кривыми губами сатира: «Здесь тайная связь с ночными звёздами, луной!» Он творит чудеса, всю ночь поднимая глаза в ночное время.

Сидит леший. Пальцы — ветки, как иголка патефона на срезе годовых колец старого пня. Говорит себе: «Хорошо читаются кольца. Кольцо среза к кольцу... Да, в стороне от дороги начал расти, среди трав. Могли наступить, могли косари скосить, мальчишки поломать... Да, хорошо читается: года были тёплые, сладкие дожди поливали».

Провёл, не спеша, по кольцу: — Да, в те дни жестокий и морозный был январь!

Ходят сучья-пальцы со скрипом:

— Да, дереву уже десять лет!

Хихикнул радостно, как будто одолел волшебные чары:

— Здесь в этот год жил мальчик — мой дед Лешак — грязный кушак! Годичные кольца дерева расширились, дуб начал жить широко, высоко! Древесина уже крепка и темнеет — ему уже пятьдесят!

Длинные тонкие деревяшки-пальцы легко скользят по годовым кольцам дерева:

— Небо, ночной небосвод, всё, что у кого-то вызывает интерес, — это годовые кольца — всё сокрыто, только мне зримым, понятным становится. Забытая память к ищейкам, роли личности в истории — вам всякие мелочи на посмешище грядущему утру, — сказав это, он оторвался от годовых колец и руки простёр: — Незнакомые воспоминания обнажает августа ночь!

Леший поднялся, постоял и, подгибая скрипучие колени, присел, прислонившись спиной к старому пню. Закрыв узкие щели глаз, произнёс:

— Много работаю, устал!

Загадочно улыбнувшись, сказал:

— Отдохну... Побуду в блаженной нирване!

Луна висит в тихой бездне неба. На поляне всё залито её бледным светом. Издалека кажется, будто сухое дерево прислонилось к старому пню. Это леший. Вдруг из видимой дали леса выбежали, как заблудшие дети, прилетели, как порхающие

стрекозы, лесные девочки-нимфы. Их полупрозрачные одежды покрыты листьями рябин и берёз.

Заиграли скрипки ночных кузнечиков, и лесные девочки стали танцевать вокруг Старого пня. Леший вскочил, встав в центре скручивающегося и отползающего в танце круга. С яростным стоном, оскалив деревянные зубы, пропал в танце за плотной стеной лесных девочек. Звуки скрипок кузнечиков, то бурные, то слишком медленные движения танца разбудили шальной ветер, который, играя, скручивал длинные пряди берёз. Танец вскипел и обрёл новую силу. Все носились, как на птице счастья. Взметая лесные травы, леший остановился, прыгнул на пень и там на радостях то ли запел песню, то ли читал свою лесную молитву:

— Посмотри, увидишь радость... В этой обители незнаемых богами... Лес — наш мир... Мы радуемся, танцуем и поём... И тьма, и свет с неба... Ночь — это только сны... Кто видел это, вам только приснилось... «Это как роса, и утром высохнет роса, ушли мои сны!» — скажете вы... Это чей-то шёпот о чьих-то тайнах, а шёпот — как листва под утренним ветром.

Туманные сумерки утра. Исчез утренний туман. Леший, лесные девочки — всё стало бледной, исчезающей тенью. На высоком дереве пела птица, песня рвалась из переполненного счастьем горлышка нескончаемой радостью.

В дали леса глухо и сонно заревел сохатый — лось. Звал и искал соперников для осенней схватки.

Слетел с ветки одинокий жёлтый лист, напомнив о скорой осени. Воспоминания пришли в эту туманную поляну. Сейчас, когда я стал Старым пнём, снова вижу себя высоким Дубом в тумане. Дождь. Сумрак. Небеса подёрнуты хмарью. Я, могучий и тёмный, одиноко и величественно стою на поляне на фоне неба. В тишине слышен шелест листьев, а вдалеке, над лесом, жалобный крик ястреба, занятого охотой.

Приятно, когда тишь. Чудится, что все говорят со мной: животные, птицы, насекомые. Все мы любим тишину. Удивительно, как я жил и рос — правильно или ложно, — это никогда меня не мучило. Не всё ли равно, как я живу, куда бросаю новые ростки веток? Я жил и живу сам по себе. И я прав. По своему сложению я красивый Дуб, а с годами становился выше и выше для удовольствия живущих вокруг. Кроме красоты, очевидно, важнее мозг, который правит и создаёт. Мой мозг — это земля вокруг моих корней. От него красота и ум, если хотите знать. И ещё. Садоводы, знайте: самая чистая, добрая, богатая земля — под дубом!

Раскинутые мои руки — ветки — тянулись к небу, и листья пили свет солнца, а живительный свет щедро лился и проникал до корней. Осенью созревшие жёлуди падали, говоря:

— В этой жизни всё в свой срок!

Собирал лесник упавшие лучом любви жёлуди и радовался, говоря:

— Жёлудь, много восторгов подарить ты нам весной!

По ночам собирались любящие меня хрюкающие и с наслаждением жирующие кабанчики. Любить и быть любимым, когда тебе сто лет, — это круто.

Только в старости узнал, что «надо было хорошо жить». В юном пятидесятилетнем возрасте это даже на ум не приходит. Я просто жил и был мил, думая, что настоящее похоже на будущее. А вот когда исполнилось двести лет, в моих ветках появилось желание и удивительное чувство быть другом и защитником для сидящих под моей кроной. Нет, защищать не целый лес, как мир, а так, как нас защищает судьба. Эта защита судьбы даётся, наверное, свыше. Если бы человек был твёрд духом, как и я, я бы сказал:

— Жизнь — суровая борьба. Работай над собой!

К трёхсотлетию появилась гордость, что мои ветки достают до дороги, и я охраняю эту дорогу, мою дорогу. Это нечто! Гордость! Скажу я вам без шума листьев, что эта дорога — мечта, уходящая далеко под облака. Да, я говорю без шума листьев:

— Дорога уходящая, я там никогда не буду. Сила, которая меняет в жизни всё и меня сражает, — так скоро проходящие дни и годы.

Я выше деревьев леса, я живу, мои ворсистые корни трудятся в земле — там мой мозг, мой труд, мои мысли. Голова моя под облаками, а душою я летаю выше. На земле, у корней, под кусочком коры хранится моё будущее, моё сердце — жёлудь. Надёжное место: жёлудь укрыт листьями. Не хочу выходить из шестивия жизни к будущему. Когда-то появится зелёный росток, как глубочайшая тайна жизни. Это семя я оставляю с радостью, с нежностью. И пусть скажут все:

— Был высокий Дуб, добрый Дуб!

А что же дальше? Мне неизвестно, что дальше будет с зелёным ростком дуба, но пусть все ещё раз скажут: эта радость сильнее печали!

У каждого в душе сокрыта даль, зовущая, манящая. Да, я достиг высоты, о которой мечтал. Мои дали — это мои мечты. И всё равно мне, высокому Дубу, не видно, что там дальше. Да, за косогором слышны голоса, а какая там жизнь? Я не могу судить о мире. Что было? Что есть? Всё ли познали?

Громовая истина, о которой вам не говорил, не сказал ни один из пророков. Просто сиди, смотри вдаль и ковыряй в носу. Да, когда-то был высокий Дуб. Я пришёл, врос в этот мир, чтобы листьями видеть его, шуметь, а не совершать дела. Создателю только скажу:

— Боженька, этот мир прекрасен. Спасибо. Благодарю, что ты заставил меня жить, шуметь

в твоём мире. И ещё. Боженька, как страшно и безжалостно устроен лес! Зачем? За что стегашь невидимым бичом земную жизнь? Да, это мои страхи и огорчения. Прошу извинения. Я, в себя бесконечно влюблённый, смотрю на звёзды, жду чего-то, слушая тишину. И что, собственно, мне по силам?

Однажды на своей шершавой коре почувствовал, как заменяют Бога деревьями. Ко мне, как к одному из отблесков последних божеств, приполз идущий по не пройденной мной дороге язычник. Мне, как Богу, изложил свои языческие заговоры и заклинания. Откуда мы пришли и снова туда возвращаемся. Для него ты, Боженька, повторён во мне. Для идолопоклонника я, дерево, — его кумир, его идол! Его касание, которое я почувствовал шершавой корой, — это дуновение веры, страсти, как дыхание ветра в траве.

Да, я любим всем миром, а если я неправ, жду жестокого наказания — смиренности, жду божьего повеления. В вышине, где обитает моя крона, зреет ураган, злобный и могучий. Приближается тёмное облако, разрешаемое зигзагами молний.

— Боже, если ты вся правда мира, не ругай, не осуждай меня за мои мысли о моей правде.

Стою, дрожа, под куполом обители Всевышнего, жду чего-то, слушая тишину. Оглядываюсь на свою жизнь. Мне триста лет, а что же дальше? Последний подарок от неба —

любовь. Сверкнула молния. Дотянулись мои ветки до чёрного облака. Облако раскололось, и с грохочущим вихрем на дуб обрушились кипящая музыка Бога и удары до моих корней. Наказание? Нет, судьба! Молния ушла в землю. Ничего особенного не произошло, просто короткий миг в потоке вечного времени. Я думаю, что всё бессмертно. Теперь я знаю: всем дано мгновение, которое не вернёшь, а потом — безмолвие и холод. Теперь я на поляне, как чёрный, обгорелый скелет.

Пришли два белобородых старика — два ангела. Осмотрели дерево сверху донизу. Завели бензопилу — вжжик, вжжик — и в одно мгновение начал падать трёхсотлетний дуб. Резкий звук разорвал тихую поляну. Упало высокое дерево. Остался сидеть на земле пенёк.

Один из стариков поднял тяжёлую ветку, осмотрел. Какой это был оценивающий взгляд! В нём сияло торжество и такое счастье! Он сказал:

— Природа — храм! Дуб опалён господним огнём, и эта ветка стала символом красоты, грифом будущей скрипки! Твёрдое дерево создаст в душе людей удивительное видение голосом, дарованным небом и лесом, — музыку, символ вечности.

Другой ангел тяжёлыми рабочими руками погладил кору, провёл пальцем по огромному кругу ствола Дуба.

— Да, красиво! Вырежу этот огромный трёхсотлетний круг и повешу дома, как дорогую картину, — сказал он с восторгом. — Распилим ствол — дорогие доски преобразование чувствуют. Человек творит дубовые бочки для вин и напитков. Будут зреть вина, нектары, которые густы и сильнее музыки. В этих бочках созреют драгоценные потоки нектара красного, янтарного цвета и украсят любые столы торжеств.

Воспоминания — радость, ушедшая когда-то в неизвестное. Сижу долго, вспоминаю, и счастье кажется внезапно прерванным. Зачем? Ноет зимний ветер, я опять из ночи в ночь погружаюсь в сон. Забытые и недавние сны, в которых я был когда-то молод. Прошлое далеко. Сейчас я слушаю музыку звёзд. Падает снег. Я одет в снежную шапку, снег заносит меня, Старый пенёк, полностью. Заносит дорогу и лес. Дух снега наполняет счастьем мир. Куда спешить в такое зимнее время? Сиди и предавайся воспоминаниям. Падает снег. Заносит меня, поляну, дорогу, уходящую под облака. Над Старым пнём вырастает сугроб.

«Снег. Сугроб. Старый пенёк — моя болтовня!» — подумав так, я проснулся и поначалу даже не понял, что эта аллегория о моей жизни и земной любви всего живого была лишь сном. Действительность, как иначе тебя понять?